

Предисловие

Писательское творчество Ларисы Федоровой началось со стихов. Наверняка поэтому еще в первой ее повести — «Катя Уржумова» — сказалось стремление идти от себя и от личных впечатлений. Непосредственность пережитого так ярко, до солнечной ослепительности, проявилась в повести, что вся она — с Успенском — фабричным поселком на тюменской земле, с мирным и военным Севастополем, с удивительно чистой, открытой, захватывающей любовью Кати к директору фабрики Антону Петровичу — надолго запоминается, как только могут запоминаться впечатления молодости. Тут, нет сомнений, плодотворное отражение судьбы Ларисы Федоровой той поры, когда она обрела самостоятельность, с восторженной пытливостью вглядываясь в устройство жизни, как в Успенске, казалось бы вызнанном в детстве до основания, так и в Крыму, где для нее, Кати, до экзотичности были новы природа, люди, труд, обычаи. Существенно подчеркнуть, что с годами у Ларисы Федоровой усиливается интерес к познанию Заводоуспенска (в повести он Успенск) и округи. Этот интерес закономерен: богата история этих мест. В период крепостного права сюда ссылали крестьян, поднявших руку на своего господина. Здесь были два острога — мужской и женский. Сложен был и уклад жизни поселения: крестьянский, ссыльно-тюремный, рабочий (тогда действовал казенный винокурный завод). И все это в кольце раскольничьих деревень. Не случайно сюда наезжал Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свидетельством тому его очерки «Варнаки» («Последнее клеймо»). Славен Успенский Завод и первой в Сибири писчебумажной фабрикой, преобразованной из винокурного завода и купленной потом англичанином Ятесом. Отец Ларисы, Быков Федор Сергеевич, уже в советское время проработал на этой фабрике около тридцати лет. И сама она работала на ней. Чем и гордится. И не устает изображать ее в стихах. В своей героической поэме «Шура Иванова» Лариса Федорова проникновенно воспроизвела время становления Советской власти в Заводоуспенске.

Для прозаика очень важна основательная причастность к жизни определенного места на земле. Деревню Заднее Поле Владимирской области Лариса Федорова осваивала в течение семи лет. Естественно серьезный результат: создан цикл владимирских повестей и рассказов — «На том стою», «Шурка-летчик», «Вдовы», «Соседи из Мальцева», «Иван да Марья», «Виноватых прощают». Они публиковались в журналах «Москва», «Звезда», «Советская женщина» и в столичных издательствах. Обычно для такой почти кровной причастности и то, что у каждого персонажа во владимирском цикле есть прототип. Прототипом главной героини повести «На том стою» Марфы Рябининой является прекрасная русская крестьянка Анна Балашова.

Вот уже шесть лет подряд Лариса Федорова наведывается и, не на малое время, в сибирскую деревню Марьевку. Не наблюдательницей пребывает она в Марьевке. Как и на Владимирщине, у нее полно всяческих забот: дом, огород, семейные обязанности... И опять совмещение литературного и бытового начинает приносить ей добрые результаты: написаны рассказ «Рябков-старший» и повесть «К земле припадаю...»

Здесь, в Марьевке, она подружилась с библиотекаршей Валентиной Федоровной Гадеевой, которая и дело свое удивительно знает, и талантливая художница (у себя дома, прямо на стене, нарисовала пастелью мадонну в голубой одежде), и хор ведет, да так, что заслушаешься. Человек замечательный, а доля женская выпала трудная: одна с тремя девочками осталась. Лариса Федорова написала о ней стихотворение «Женщина и мадонна». Зачин стихотворения широк дыханием, задумчиво-печален, как песня: «Ты, молодость, все ли со мною Иль тоже из дома ушла? Остались девчонки — их трое, А нужен бы сын для крыла...»

Мир, как известно, полон и полнится удивительными людьми! У большинства из этих людей не находится своих открывателей. Лариса Федорова без устали ищет их, как бы спеша наверстать упущенное, упущенное другими. Ищет и находит. И не ради того, чтобы произвести очередную справедливую хвалу возвышенной душе (и это цель искусства, пусть и не требующая большого художественного напряжения), а ради того, чтобы изобразить те или иные духовные свойства современного человека, проявляющие себя в сфере личных и общественных дел, поэтому и действуют на страницах ее произведений герои, тревожащиеся о нарушенном экологическом равновесии, стремящиеся к семейной гармонии, утверждающие собственным поведением добропорядочность и жертвенную ответственность как одну из основ глубоко нравственного отношения к близким. Как правило, образы людей, создаваемых Ларисой Федоровой, отличаются многозначностью черт, качеств, психологических загадок. Клеймить не в ее натуре. Постичь образ, раскрыть генеалогическую и социальную природу его причинности — вот к чему она стремится. Красавица Панка (повесть «Из чужого гнезда»), родив второго сына, Алешку, оставляет его на попечение государства. Первенец ее, Женька, воспитывается у тетки. Факты вроде бы таковы, что никакой читательской симпатии к Панке не должно быть. Но едва мы узнаем, что мать ее умерла, что на шею отца-инвалида шестеро ребятешек, то проникаемся к этой женщине сочувствием. Все-то навсего Панке семнадцать, а пригулянный ребенок — дитя ее доверчивой любви к прорабу Косте Коловратову. Жертва обмана — опять же, как ей не посочувствовать. Неожиданными, хотя и закономерными сюжетными тропами ведет нас писательница вослед за Панкой. Мало-помалу на наших глазах формируется серьезная, крупная личность, отмеченная редким достоинством и тончайшим благородством. Панка — народный характер. Через то горестное, что случилось с нею, через то, как она преодолела свою долю и стала счастливой, Ларисе Федоровой удалось создать национальный характер русской женщины.

С завидной изобразительной силой она создала характер русской женщины совсем другого плана в рассказе «Иван да Марья»: женщины, смело защищающей перед мужем свою любовь к человеку, который пробудил в ней чувство собственного достоинства.

Настоящий сборник повестей и рассказов несет в себе основные идейные и стилистические свойства прозы Ларисы Федоровой и, я убежден, будет по достоинству принят читателем.

Николай Воронцов